

На вершине горы Сунмин застыло багровое солнце; угасающий закат был густым и тяжелым, точно свежая кровь.

Высоко в небе обрывки плывущих облаков, подхваченные горным ветром, медленно таяли, превращаясь в призрачную дымку. Алый свет заката пропитывал небосвод, смягчая его суровость нежным, едва уловимым сиянием зари.

обычно на этих высотах бывали лишь птицы да дикие звери, но сейчас гора Сунмин оказалась в плотном кольце — сотни посланников от великих Бессмертных Врат окружили её со всех сторон. Магические артефакты и духовные сокровища сияли в их руках, готовые в любой миг обрушить свою мощь.

В самом центре этого круга стоял юноша с длинным мечом. В его позе не было и тени страха. Высоко собранные волосы метались на ветру, придавая его облику черты необузданной вольности и дерзкого величия.

[Носитель... Это и есть главная цель данного задания, Дуань Иньхэ]

Стоило голосу 059 прозвучать, как на вершине горы, запечатанной мощным охранным массивом, сквозь который не могла бы пролететь и птица, неспешно возник незванный гость. Его силуэт был почти прозрачным; он беззвучно слился с шумом сосен, точно растворившись в шелесте ветра.

Услышав слова системы, Пэй Буцзюэ лениво скользнул взглядом по тому, кого называли «главным героем».

Черты лица Пэй Буцзюэ были холодны и безучастны; в первый миг он напоминал безмятежную гладь горного озера, затерянного среди хребтов. В его облике должна была читаться благородная сдержанность, однако алые глаза, иссиня-черные волосы и вызывающе яркая родинка у самого края века превращали это благородство в порочную, ледяную отстраненность.

В его взоре не было ни капли сочувствия. Пэй Буцзюэ смотрел на Дуань Иньхэ так, словно перед ним лежали высохшие кости мертвеца.

Спустя мгновение он вдруг негромко рассмеялся и с явным удовольствием ответил системе:

— Он мне нравится.

059: [...]

Система, едва оправившаяся от провала предыдущего задания, почувствовала, как рушится мир. Шокированный голос 059 дрогнул:

[Ты что... влюбился в него с первого взгляда?]

В алых зрачках Пэй Буцзюэ вспыхнула лукавая, странная искра. Он прищурился и вкрадчиво произнес:

— Врождённая кость меча... Будь то извлечение кости дляковки клинка или использование юноши как сосуда для совершенствования — он идеальный материал. Я сотни лет не встречал настолько совершенного меча.

059 облегченно выдохнул.

«Слава богу, — подумал он, — а я уж решил, что и у этого Носителя нет никакой профессиональной этики»

Впрочем, осознав смысл сказанного, помощник тут же стал серьезным.

[Носитель Пэй Буцзюэ, прошу тебя, даже не пытайся причинить вред главному герою. Сценарий вот-вот вступит в силу, и я требую строгого следования ключевым точкам сюжета]

На этот раз система специально подобрала относительно легкое задание. Пэй Буцзюэ нужно было лишь дождаться момента, когда Дуань Иньхэ окажется в осаде, получит тяжелые раны и будет вынужден броситься с обрыва. После того как его схватят адепты темного пути, чтобы использовать для создания пилюль, Пэй Буцзюэ должен был тайно снабжать его лекарствами, передавать техники развития, помогать восстановить силы и, в конечном счете, погибнуть, приняв на себя удар меча, предназначенный герою.

Легкость заключалась в том, что к образу «Белого лунного света» не предъявлялось жестких требований. Носителю достаточно было лишь тихо делиться ресурсами, не провоцируя лишнего хаоса.

Перед прибытием 059 долго и настойчиво внушал подопечному правила поведения «идеального исполнителя», надеясь, что в этот раз он окажется надежным.

Пэй Буцзюэ неспешно кивнул, продолжая наблюдать за разворачивающейся драмой.

В этот момент Дуань Иньхэ уже вступил в кровавую схватку с теми самыми наставниками, что еще вчера одаривали его ласковыми улыбками. Его меч рассекал воздух, подобно

ослепительной радуге; в танце широких рукавов его движения были столь стремительны, что за ними невозможно было уследить. Не зря его называли величайшим гением школы Сунмин и всего мира... К несчастью, именно врождённая кость меча стала его проклятием.

Тот, кто наделен такой костью, не способен достичь стадии высшего совершенства. В юности они — баловни судьбы, чья скорость развития не знает равных, но после формирования зародыша прогресс замирает навсегда. Говорят, кость меча дарует легкий путь лишь для того, чтобы в итоге стать чужим инструментом.

Именно так — инструментом.

Материалом для клинка или артефакта, сосудом для совершенствования или живой игрушкой.

Такая кость встречается раз в тысячелетие. Каждое её появление воспринимается Альянсом Бессмертных как величайшее сокровище; её «выращивают», чтобы на пике развития преподнести самому могущественному практику эпохи.

Однако дар Дуань Иньхэ долго не проявлял себя. Он годами оставался обычным, пусть и талантливым учеником горы Сунмин, пока сегодняшний прорыв не призвал грозное испытание.

В одно мгновение маски были сброшены. Почтенные учителя, добрые соратники и дружное братство превратились в чудовищ. Каждый из них жаждал вознесения, каждый хотел наложить руку на это сокровище.

Пэй Буцзюэ не был исключением.

В какой бы мир он ни попадал, кем бы ни становился — он всегда стремился быть первым под небесами. А лучшему мечнику полагается лучший в мире меч.

Он поднял руку и небрежным жестом очертил в воздухе круг, словно ловя в ладонь истекающего кровью, изможденного Дуань Иньхэ.

Прищурившись, он довольно улыбнулся.

«Разве это не идеальный момент?»

Дуань Иньхэ был изранен. Искры надежды в его глазах гасли одна за другой под безжалостными ударами вражеских клинков. Его тело было залито кровью, а нападавшие, нанося раны, цинично выкрикивали: «Только не повредите кость меча!». Это было омерзительно.

Впереди были враги с их волчьими амбициями; запах крови осквернил чистоту горы Сунмин, сделав её уродливой. И лишь за спиной, над бездонной пропастью, кружили птицы — там было чистое место для погребения.

Дуань Иньхэ закрыл глаза, позволяя мечу, который помогал ему стоять, со звоном упасть на камни.

Умереть чистым — это, пожалуй, гораздо большее счастье, чем стать чьей-то вещью.

Хотя он закалял тело в горных ручьях, учился искусству меча на отвесных скалах и постигал законы чести в парадных залах, искренне веря, что в будущем сможет с клинком в руках странствовать по миру, искореняя несправедливость...

Нет...

Дуань Иньхэ вдруг охватило раскаяние.

«Я не могу умереть вот так — бессильно и позорно. Я еще не заставил их заплатить цену, я еще не...»

Предсмертное отчаяние сменилось жадной жизни. Он инстинктивно распахнул глаза и, собрав последние крохи духовной энергии, активировал искусство управления мечом, с трудом возвращаясь на твердую землю.

Однако силы его были на исходе. Пошатнувшись, он не удержался и рухнул прямо в лужу собственной крови.

Люди вокруг бросились к нему с такой скоростью, словно хотели сожрать его заживо.

Грудь юноши судорожно вздымалась. Он опустил взгляд и до боли вонзил ногти в ладони, яростно приказывая себе:

«Терпи. Живи»

Только оставшись в живых, он сможет отомстить им всем.

Он молча наблюдал, как десятки рук тянутся к нему, слой за слоем, извиваясь в жажде заполучить добычу. Вид пятен крови и пота на этих руках вызывал тошноту; во рту Дуань Иньхэ скопился привкус железа. Он мучительно зажмурился, сглатывая слезы и горечь.

Но внезапно мир погрузился в тишину.

Стало так тихо, что слышно было лишь, как струится его кровь, и как звучат медленные, уверенные шаги.

Дуань Иньхэ решил, что его разум помутился. Иначе почему исчезли омерзительные выкрики и звон стали?

Он даже различил в вышине несколько чистых трелей горных птиц.

С трудом разомкнув слипшиеся от крови ресницы, он увидел перед собой лишь изящную, безупречную кисть руки.

Из-под широкого рукава черных одежд виднелось бледное, тонкое запястье с отчетливым рисунком вен. Ладонь была слегка раскрыта, но от неё веяло холодом и ледяным безразличием.

Дуань Иньхэ в оцепенении поднял взгляд. Вершина горы Сунмин замерла в безмолвии. Бесчисленные мечи практиков разлетелись на осколки, и теперь человек, вышедший из моря крови, попирает их ногами.

Узкие глаза, тонкие губы, кроваво-красные зрачки... А эта алая родинка у века, казалось, лишала воли.

На самом деле, чтобы создать эту картину, Пэй Буцзюэ потребовался всего один удар меча.

Он опустил взор, бесцеремонно разглядывая Дуань Иньхэ, стоявшего на коленях в луже крови.

Глаза юноши были подобны серебряной луне, черты лица — совершенны, но сейчас он был покрыт грязью и едва дышал, напоминая журавля с перебитыми крыльями.

Пэй Буцзюэ легко заметил под воротником его одежды едва различимую красную отметинку на белоснежной коже.

Он протянул руку и кончиками пальцев приподнял лицо Дуань Иньхэ. В его негромком смехе слышалась и ирония, и явный вызов:

— Лик твой и впрямь подобен нефриту, но Бессмертный господин... сейчас в тебе нет ничего, кроме этого лица, на что стоило бы смотреть.

Тело юноши было изранено, меридианы разорваны. Пройдет немало времени, прежде чем он снова сможет держать меч.

— Стань моим сосудом для совершенствования. Я заберу тебя отсюда. Согласен?

Ресницы Дуань Иньхэ дрогнули, но он не произнес ни слова.

Спустя мгновение он покорно склонил голову и слегка потерся щекой о ладонь Пэй Буцзюэ.

Тот довольно сощурился и мягко коснулся его рассыпавшихся черных волос, словно поглаживая лезвие прекрасного меча. Сжав щеку юноши, он с удовлетворением произнес:

— Хороший мальчик.

[Ты хоть знаешь, как пишутся слова «строго следовать сценарию»?]

059 ледяным тоном задал вопрос, после чего открыл панель управления и пригрозил:

[В этот раз руководство дало мне четкие инструкции: при малейшем отклонении от сюжета тебя немедленно отправят обратно в Пустоту!]

— Так ведь я и следую сценарию, — небрежно отозвался Пэй Буцзюэ.

Он лениво развалился на длинном ложе в Нефритовом дворце, с безучастным видом наблюдая за танцем красавиц в центре зала. Несмотря на изящество движений, девушки танцевали в смертельном страхе, а их лица были мертвенно-бледными.

Причина была проста: истинный хозяин этого места, Демон-почтенный Чунмин из Тучуань Гу, теперь лежал на ступенях дворца с перерезанным горлом, уставившись на них остекленевшим взглядом.

Пэй Буцзюэ улыбнулся и спросил систему:

— Разве я сейчас не глава демонического культа?

[Ну... допустим]

— И разве я не похитил Дуань Иньхэ, чтобы использовать его для пилюль? Когда я забирал его, я даже специально прыгнул с обрыва, как и положено.

[Было такое...]

— А разве я не оставил в его комнате лекарства и техники?

[Дело не в этом! По сюжету Демон-почтенный Чунмин должен был захватить героя, чтобы подвергнуть его всяческим унижениям и истязаниям в Тучуань Гу. А ты его убил, даже не дослушав!]

— Ой, — Пэй Буцзюэ слегка склонил голову набок, и костяные украшения в его волосах тихо звякнули.

Он оправдывался с самым невинным видом:

— Кто же виноват, что он начал мне дерзить? Я просто не рассчитал силу. В конце концов, я могу работать за двоих, верно?

059 замолчал.

Главная причина его молчания крылась в том, что в нынешнем задании «Белый лунный свет» действительно мог почти не показываться, оставаясь лишь незримым помощником. К тому же прогресс сценария только что совершил огромный скачок вперед. 059 слишком дорожил рейтингом выполнения миссий.

Поколебавшись, система пошла на компромисс.

Пэй Буцзюэ улыбнулся и указал на одну из танцующих девушек:

— Ступай. Приведи ко мне юного господина, пусть скрасит мой досуг.

Дуань Иньхэ был тяжело ранен и пролежал в беспомощности почти полмесяца. Только сейчас он пришел в себя.

К его удивлению, он не обнаружил себя в темном подвале, закованным в кандалы. Напротив, он лежал на мягкой постели, а на столике рядом стояли два фарфоровых флакона. Надписи на них были сделаны небрежным, кривым почерком; Дуань Иньхэ долго всматривался, пока не разобрал слова: «Возрождение» и «Сращивание костей».

Он замер, сжимая флаконы в руках, и его взгляд стал отрешенным.

«Это... от него? Но где я нахожусь?»

Превозмогая слабость, юноша откинул одеяло, собираясь осмотреться, но дорогу ему преградили две служанки. В их руках были подносы. На левом лежало алое одеяние, легкое и прозрачное, словно дымка; казалось, такая ткань не способна скрыть ничего. На правом же покоились две пары золотых колокольчиков — магические оковы, предназначенные для того, чтобы лишить узника воли.

Дуань Иньхэ застыл. Он вспомнил сделку, которую заключил с тем человеком.

«Сосуд... значит?»

Служанки не дали ему времени на раздумья. Применяв технику запечатывания движений, они лишили его возможности сопротивляться, после чего облачили в прозрачные шелка и закрепили на лодыжках золотые колокольчики.

Тучуань Гу

Пэй Буцзюэ с тоской взирал на танцы и музыку, которыми когда-то ублажали прежнего демона. Всё это казалось ему скучным и однообразным.

Однако для Дуань Иньхэ это зрелище было в новинку.

Служанки привели его к дверям главного зала. Изнутри доносились звуки разгульного веселья; число демонических приспешников и рабынь не поддавалось счету. Обитатели Тучуань Гу предавались пороку: летали красные ленты, танцовщицы двигались в бесстыдных танцах, а на возвышении, лениво откинувшись на ложе из кости и красного дерева, полулежал мужчина. Он опустил веки и сонно перебирал пальцами белые костяные бусины на кончиках своих волос.

Но стоило ему почувствовать чужое присутствие и поднять голову, как вся роскошь зала померкла перед той властной яростью, что светилась в уголках его глаз.

Пэй Буцзюэ прищурил алые зрачки и едва заметно взмахнул рукой. В мгновение ока всё замерло. Слуги и наложницы поспешно покинули зал, не смея мешать этому пугающему человеку.

Мужчина с легким любопытством выпрямился, разглядывая Дуань Иньхэ, застывшего у входа.

Юный заклинатель, прежде холодный и гордый, точно журавль в небесах, теперь выглядел совершенно растерянным, напоминая марионетку в руках неумелого кукловода.

Алая газовая ткань почти ничего не скрывала, обнажая белизну кожи, которая слепила глаза.

Изящный изгиб талии и едва заметная дрожь плеч лишь добавляли его облику некой мучительной прелести.

Из-под подола проглядывали стройные ноги; малейшее движение грозило выставить его наготу на всеобщее обозрение. Но еще заметнее были золотые колокольчики на щиколотках. Они подчеркивали белизну костей, и при каждом шаге по залу разносился чистый, звонкий перелив.

Такое одеяние переходило все границы дозволенного для Дуань Иньхэ. В его глазах, помимо смятения, застыла мертвенная пустота — он казался сломанной, жалкой игрушкой.

Пэй Буцзюэ меланхолично подумал, что вид, конечно, хорош, но взгляд юноши стал слишком скучным. Он всего лишь хотел держать этот «меч» при себе, чтобы обдумать способ его применения, но слуги в Тучуань Гу оказались на редкость догадливыми.

Впрочем, раз уж сцена подготовлена, было бы глупо не подыграть.

В улыбке Пэй Буцзюэ промелькнуло лукавство. Он шевельнул пальцами, и в тот же миг на талии Дуань Иньхэ расцвела яркая метка — тёмно-красный кровавый лотос.

Почувствовавши это, юноша вздрогнул всем телом. Он узнал этот знак. Запретная печать.

Метка, которую накладывает тот, чья душа способна подавить любого врага, обозначая свою собственность. Тот, на ком стоит эта печать, принадлежит господину телом и душой; его жизнь и смерть более не принадлежат ему самому.

Кулаки Дуань Иньхэ сжались. Он не смел поднять глаз, ибо в глубине его зрачков кипела жгучая ненависть. Он знал: стоит им встретиться взглядами, и он, забыв обо всем, попытается убить этого человека.

Пэй Буцзюэ снова откинулся на спинку ложа. Его длинные черные волосы, небрежно перехваченные лентой, скользнули по плечу. В полумраке его алые глаза горели пугающим, колдовским огнем.

Улыбаясь, он вновь протянул руку к Дуань Иньхэ и негромко произнес:

— Бессмертный господин, прошу, войди в мои объятия.